

Гвардеец

Автор:

Дмитрий Дашко

Гвардеец

Дмитрий Николаевич Дашко

Гвардеец #1

На дворе лето 1735 года. «Бироновщина» – страшное время для страны. Люди исчезают по ночам, дыба и раскаленные клещи палача в Тайной канцелярии не знают отдыха. Смутный период накануне русско-турецкой войны, когда ловкий и предприимчивый человек со шпагой и пистолетом может круто изменить свою судьбу – и судьбы страны. Курляндский барон Дитрих фон Гофен, решивший попытаться счастья в «варварской и дикой Московии», готов рискнуть головой и пройти любые испытания, чтобы предотвратить дворцовый переворот «дщери Петровой» – беспутной Елизаветы. Здесь и сейчас, на топких берегах молодой имперской столицы, в свете чадящих светильников, в бальных залах дворцов и в душных кабаках, куется новое будущее России, новое будущее всего мира. Если ты настоящий гвардеец и не умеешь отступать – возьми судьбу за горло и поверни маховик истории!

Дмитрий Дашко

Гвардеец

Светлой памяти моего отца, кадрового офицера Российской армии посвящается!

Царствие Небесное тебе, папа!

Автор выражает свою благодарность всем посетителям журнала «Самиздат» Максима Мошкова, тем, кто принял самое горячее обсуждение на форуме «В вихре времен» <http://mahrov.4bb.ru> (<http://mahrov.4bb.ru/>) и на «Военно-Историческом форуме» <http://www.reenactor.ru> (<http://www.reenactor.ru/>).

И особенно замечательному писателю Алексею Волкову, всезнающему Василию Анисимову, многомудрому и отзывчивому Константину Козюренку!

Глава 1

Денек сегодня выдался погожим – солнышко, на небе ни облачка. Эх, сейчас бы искупаться в реке, а потом валяться на пляже, поджариваясь, как курица в гриле. И ме-е-едленно-ме-е-едленно переворачиваться...

Дзи-и-инь...

Я снял трубку телефона и произнес заученную фразу:

– Отдел продаж, слушаю...

– Гусаров, ты?

– Я, Сан Саныч. – Низкий баритон шефа я бы узнал из тысячи.

Правда, в обычно вежливых его интонациях проскальзывало плохо завуалированное недовольство. Что-то мне это уже не нравится. И тучи откуда-то на горизонте нарисовались, закрыв сплошной завесой солнце. Ой, не к добру.

– Поднимись ко мне.

В его устах это звучало как классическое «Сидоров, с вещами на выход».

Я отклеился от стула, машинально поправил взъерошенные волосы (дурацкая привычка запускать пятерню в прическу) и пошел к дверям, ощущая спиной сочувственный взгляд Мишки Каплина, сослуживца, с которым уже второй год делю помещение размером два на четыре метра, носящее гордое название «Отдел продаж».

Секретарша Ирочка набирала что-то на компьютере с такой скоростью, что любой пулемет бы от зависти перегрелся.

- Как шеф? - спросил я, склоняясь над ней.

- Как с цепи сорвался, - сообщила, не отрываясь от монитора, Ирочка. - Рвет и мечет. Сперва рвал Симонова из планового, теперь тебя будет.

- Спасибо, Ира. Умеешь поднять настроение.

- Всегда пожалуйста, - равнодушно ответила девушка.

Раньше она была не такой. Зря я ее, как говаривал Мишка, «поматросил и бросил». Хотя, с другой стороны, еще разобраться надо, кто с кем и чем занимался. И не уверен я как-то, что это я с ней порвал, а не она умело подвела отношения к такому дурацкому финишу.

- Сан Саныч, вызывали?

- Вызывал, Гусаров. Проходи садись.

Александр Александрович Воскобойников - директор и вообще, по словам уборщицы Нюши, «видный мужчина», - восседал за письменным столом с видом стервятника, выбирающего, чем бы поживиться.

Я сел в кожаное кресло напротив, изобразив полную заинтересованность и готовность сорваться с места по первой же команде.

- Что это такое, знаешь? - Шеф потряс перед моим носом коричневой папочкой, сквозь которую просвечивали листы бумаги.

- Знаю, Сан Саныч, – кивнул я. – Проекты договоров. Я сам составил их на прошлой неделе и принес вам на рассмотрение. К ним и записка сопроводительная прилагалась. Гарантированная прибыль от сделки – тридцать, а то и сорок процентов. Я все просчитал.

- Нет, Гусаров. Не все ты просчитал, – устало вздохнул шеф. – Ты занимался арифметикой, а тут алгебра нужна, дифференциальные уравнения, синус с косинусом и параллельные прямые, пересекающиеся в несобственной точке.

- Сан Саныч, мне бы по-русски...

- По-русски... – Шеф хрустнул пальцами. – По-русски покрыть бы тебя матами в три слоя надо, но тебя ж не проймет, ты ведь у нас не слюняй-интеллигент, спортом занимаешься. – Он окинул мою тренированную фигуру взглядом, не предвещающим ничего хорошего, и неожиданно спросил: – У тебя какой рост?

- Метр девяносто, – опешив, произнес я.

- Вот видишь. Метр девяносто, вымахал оглоблей, а ума как у дитя малого. Ты пословицу такую слышал – «Не лезь поперед батьки в пекло»?

Я кивнул.

- Ну так не лезь не в свое дело, Гусаров. Это я тебе как начальник говорю, а как человек добавлю, что бабки в нашей конторе платят за то, чтобы вы, сотрудники, делали только то, что сказано. Инициатива у нас наказуема, причем не исполнением, а штрафами. Ты ведь целую ораву в лучшем ресторане кормил, поил, уговаривал. Так?

- Было дело.

- Все за свои денежки, разумеется.

- Конечно, Сан Саныч.

- Думал: заключу договорчики, комиссионные заимею.

– Как же без этого...

– А так. Не нужны нам эти договора, пускай даже с сорокапроцентной прибылью. Не будет никаких комиссионных. Я ведь предупреждал. Ты чем, кроме партизанщины, занимался?

– Э... с «Инвест-сервисом» работал.

– Вот и работай с ними дальше. Закончишь – приходи, скажу, что еще делать надо. Премии лишать тебя, Гусаров, на первый раз не буду. Ты и так себя наказал счетами из ресторанов. Можешь идти.

Я развернулся и грустно поплелся к выходу, однако голос шефа развернул меня на сто восемьдесят градусов.

– Подожди, Гусаров. Это от меня, в качестве компенсации, – Сан Саныч протянул белый конвертик. – Хороший ты парень.

– Спасибо. – Я взял конверт и вышел из кабинета.

М-да, не ожидал от шефа такой чуткости. Не удержался, вскрыл конвертик на выходе, с умилением посмотрел на зеленые бумажки. Триста американских рублей. Вовремя, стоит заметить. От зарплаты остались рожки да ножки, еле-еле на хлеб и бензин хватает.

Ирочка выглядела недовольной, на ее лице там и сям образовались хмурые складочки и морщинки, превращая ее в молодую старушку.

– Что-то ты подозрительно легко отделался, Гоша. Быстро тебя шеф выгнал, да и крика не слышно было, – «доброжелательно» сказала она.

Я понял, как можно прищучить Ирочку, и не стал терять времени впустую:

– А зачем нам с Сан Санычем кричать? Наши дела тихо делаются. Хочет меня заместителем по кадрам поставить, просил, чтобы я ему секретаршу новую подыскал. Недоволен он тобой, Ира. Распустил, говорит.

И, оставив озадаченную Ирину открывать и закрывать рот, спустился к себе.

Мишка Каплин успел к моему приходу нагреть чайник.

– Чай, кофе, потанцуем?

– Потанцуем, – грустно сказал я. – Камаринского или гопака. Тебе что больше нравится?

– Хава нагила. Чего случилось-то, Игорь? – с сочувствием спросил Мишка.

Мне всегда нравился этот длинный нескладный мужик с умными понимающими серыми глазами, высоким лбом мудреца и крючковатым носом. Его семья в полном составе укатила в Израиль в начале девяностых, когда казалось, что бывшему Союзу пришел окончательный и безоговорочный трындец. Но Мишка остался. Из упрямства или чего другого – не знаю, он не любит разговаривать на эту тему. И только за это я готов его уважать всю жизнь – хотя родственнички каждый месяц заваливают Каплина письмами, в которых рассказывают о том, как хорошо устроились на земле обетованной, и намекают, что не мешало бы ему последовать их примеру.

– Шеф политику партии обрисовал. Пояснил, что с нашим рылом в калашном ряду делать нечего.

– И правильно сделал, – помешивая ложкой кофе в чашке, сообщил Мишка.

– Почему?

– Да потому, – с видом Нострадамуса изрек Каплин. – Ты что о нашей фирме думаешь?

– Фирма как фирма.

– «Рога и копыта», вот что такое наша фирма, – торжественно объявил Мишка. – Я подольше тебя здесь работаю и постепенно понял, что мы вроде прикрытием служим. Кто-то с нашей помощью деньги отмывает, а может, и от налогов уходит. Есть способы... Думаешь, Сан Саныч тут главный? Нет, есть кто-то

повыше его, и я догадываюсь, кто именно. Сказать?

– Не надо, Миша, – попросил я. – Меньше знаешь – крепче спишь. Я тоже что-то вроде этого подозревал. Сделка, которую шеф зарубил, была пробным шаром. Судя по реакции Сан Саныча, ты прав на все сто. Сваливать надо отсюда, пока не поздно.

– Верно, – кивнул Мишка. – Вопрос – куда.

– А вот над этим агхиважнейшим вопгосом я и буду думать, – копируя картавость и интонации Владимира Ильича, толкающего знаменитую речь на броневичке, ответил я.

Мысли, заразы, в голову не лезли. Вернее, лезли, но не те, что надо. Я вернулся к компьютеру, пощелкал мышкой монстриков из игрушки, ставшей в офисе надежным средством убивания времени, когда шеф занят, а тебе глубоко фиолетово, и принялся настраиваться на нужный лад.

Для начала подумаем о чем-нибудь грустном. Первая любовь... да ну ее тудить-растудить в качель. Выставил себя дураком по полной программе, аж в краску бросило.

Вспомнил, как остался после службы в армии безработным, и невольно содрогнулся. Нет, надо что-то делать. И сразу мозг в нужном направлении заработал.

На столе, за которым обычно пили кофе, лежала кипа газет с бесплатными объявлениями в цветных рамочках. Посмотрим ситуацию на рынке труда. Итак, несмотря на мировой кризис и прочие гадости, городу требуются слесари-монтажники, каменщики и разнорабочие. Это не для меня. Трудиться в разного рода «шараш-монтажах» за копейки... Лучше удавиться на собственном галстуке или съесть его сразу по примеру президента одной малэнкой, но очэн гордой страны.

Как насчет офисного планктона? ООО «Так-растак» ищет инженера-сметчика. Ну да, если я пойду на эту должность и начну составлять сметы, они лет двадцать потом будут долги кредиторам раздавать. Пожалеем и не обременим звонком.

«Таможня ищет...». За державу, конечно, обидно, но я прекрасно помню, чем закончил Верещагин. Ретивых служаек городские «басмачи» подорвут если не на буксире, так за рулем авто точно. И себя жалко, и «Приору» мою тоже. Только-только кредит отдал.

Не подобрав ничего путного, решил обзвонить друзей. С кого бы начать? Пожалуй, с Лешки. С его связями найти подходящую непыльную работенку – раз плюнуть.

Мы знакомы еще с садика, как говорится – сидели на одном горшке. После школы пути разошлись: я стал студентом иняза, а он ударился в коммерцию, да так удачно, что обзавелся и трехэтажным коттеджем, и «бомбой» последней модели, не считая кругленького счета в банке и, самое главное, кучи полезных знакомств. Когда-то Леха звал к себе в фирму, но я знал, что пойти к нему работать – все равно что потерять друга, и отказался.

Встречались мы регулярно. Оба подсели на фехтование и коротали вечера в спортивном клубе с заезженным названием «Три мушкетера». Разумеется, у Лешки сразу поперла масть. Он стал мастером спорта, а я все еще ходил в кэмэсах. Не было поединка, в котором друг бы не сделал из меня такую полезную в хозяйстве вещь, как дуршлаг.

Не знаю, чем нас привлек этот вид спорта. Возможно, в детстве начитались Дюма и насмотрелись по телевизору Боярского в роскошных мушкетерских одеждах, крутившего лихой ус одной рукой, а второй протыкавшего шпагой очередного гвардейца кардинала.

Лехин телефон ответил не сразу. Сначала пришлось прослушать приторную как патока мелодию вместо гудков, только потом я услышал голос приятеля:

– Привет, Игорь. Как дела?

– Как сажа бела, – отшутился я.

– Случилось что? – встревожился Леха.

- Пока нет, но непременно случится. Только, Леша, разговор не телефонный. Свидеться бы надо.

- Ты на работе?

- А где же еще!

- Тогда, как освободишься, подъезжай ко мне.

- Домой?

- В офис. Я все равно буду часов до девяти вечера здесь. На машине?

- Сегодня без колес. На гарантийку поставил, завтра забираю.

- Хочешь, пришлю за тобой шофера? - совершенно искренне предложил Леха.

Я фыркнул:

- Смеешься, что ли? Моего шефа кондратий хватит, как только увидит, что у его подчиненных транспорт с личным шофером. Я лучше тачку вызову.

- Как знаешь. Я тебя жду.

- До скорого. - Я отключил мобильник, крутанулся в кресле и окинул тоскливым взглядом комнатушку.

А ведь тяжело будет уходить отсюда. Привык за два года, прикипел. И Мишку жалко до дури. Он мужик умный, но не пробивной. Таким в жизни трудно. Ладно, если устроюсь нормально, перетащу его к себе.

До конца рабочего дня оставалось меньше двух часов. Я провел это время с пользой: рыскал в Интернете, «стучался» в аськи знакомых и не подозревал, что скоро жизнь моя круто переменится, да еще самым невероятным образом.

Глава 2

Смотрел я когда-то в детстве смешное итальянское кино про бедолагу Фантоцци с Паоло Виладжио в главной роли. Помню первые кадры: заканчивается рабочий день в многоэтажной офисной башне, толпа народа несется по ступенькам, опрокидывая зазевавшихся, из окон выбрасывают веревки, канаты, по ним спускаются разгоряченные сотрудники, спешащие домой, а кое-кто из нетерпеливых прыгает на батут, стоящий на земле.

Я же вышагивал к выходу с грацией прирожденного монарха. Пять минут погоды не делают.

Заказанное по телефону такси – желтая замызганная «Волга» с шашечками – стояло у тротуара как раз на том месте, где обычно парковалась моя «Лада». Но сегодня я безлошадный, даже непривычно. Ничего не попишешь, личный автомобиль круто меняет характер человека. Без четырех колес все равно что без рук. Давно ли я обзавелся «Приорой» – пожалуй, и года нет, но еще немного, и стану как Леха. В прежние времена он не был таким большим и важным. От отца в наследство ему досталась старенькая «восьмерка». Бывало, жена отправляет Леху за хлебом в магазин, который находится в сотне метров от подъезда направо. Леха спускается, топает сто метров влево, берет машину со стоянки, доезжает до магазина, покупает хлеб, возвращает «восьмерку» на прежнее место и поднимается домой.

Шофер деловито вытирал лобовое стекло тряпочкой.

– Простите, вы по заказу? – на всякий случай уточнил я перед тем, как открыть дверцу.

– Да, – подтвердил таксист. – А вы, значит, мой клиент?

Пришла моя очередь кивать.

– Садитесь, я скоро, – предупредил водила. – Вот погода гадская!

Он закончил стирать размытые потеки на стекле и хлопнул своей дверью.

– Двигаем, – сказал я, размещаясь справа от водителя.

За что люблю «Волгу», так это за габариты, подходящие для крупных мужиков вроде меня. И внешность у газовского изделия, может, для кого неказистая, а на мой взгляд – чистой воды ретро-классика. Жаль будет, если совсем с производства снимут, тогда в прошлое уйдет целая эпоха, и не самая плохая, между прочим.

Таксист завел двигатель.

У него было лицо типичного уроженца гор. Скуластый, нос с горбинкой, густые, похожие на гусениц брови и глаза острые как кинжалы. Когда на Кавказе войнушка в полную силу разгорелась, много таких к нам, в среднюю полосу, переехало. Устали люди от постоянного напряжения, пальбы за окнами и бэтээров на улицах. Простой вопрос наклеывается: стоило ли из-за этого большую страну разваливать, чтобы она кровью в уголках умылась?

– Куда везти? – спросил таксист, трогаясь с места.

Улица здесь односторонняя, при любом варианте придется ехать полкилометра до светофора, а уж от него потом по сторонам, как по розе ветров, разъезжаться.

Я назвал адрес Лешкиного офиса.

– Это на другом конце города будет. Далеко. Заплатите как через район, – предупредил «горец».

– Не обижу, – уверил я. – Зря к Советскому проспекту поворачиваете, в пробках до утра стоим.

– А мы дворами проедем. Не беспокойтесь, я город как свои пять пальцев знаю.

– Давно вы у нас?

– Года три, наверное. Сначала на стройке калымил, потом спину сорвал и в таксопарк ушел, баранку крутить. Полегче стало: и работа нормальная, и

клиент, бывает, щедрый попадает. Не всегда, конечно... – На лице таксиста мелькнула грустная улыбка. – Я ведь на себя и не трачу почти, так, по мелочи... Планы у меня на будущее. Как денюжат накоплю, куплю квартиру и семью перевезу.

– А что, большая семья?

– У нас маленьких-то и не бывает, – усмехнулся шофер. – Не принято. Это вы, русские, одного родите и думаете, что подвиг совершили. Глупые, счастья своего не понимаете.

– А что, разве в детях счастье?

– А как иначе? – вопросом на вопрос ответил таксист. – Когда по тебе мал мала меньше ползают, тогда только и понимаешь, что рай и на земле быть может.

– Понятно. У меня все еще впереди, холостой я, – хмыкнул я, бросив мимолетный взгляд в боковое окно.

Вдоль дороги по тротуару женщина катила красную коляску, навстречу им высокий мужчина вез на шее довольного малыша. Как нарочно!

– Музыка не мешает? – спросил водитель, крутя ручку допотопного радиоприемника.

– Нет, – признался я. – Только, пожалуйста, не слишком заунывную.

– Я и сам такую не люблю. Засну еще за рулем ненароком. Но и молодежную современную «тынц-тынц» тоже не очень. Ее слушать разве что под большим кайфом можно. Знаю таких: таблеток наглотаются, колонки на всю мощность и по газам до первого поста ГАИ или до того, кому не повезет на пути оказаться.

Разговор, завязавшийся сам собой, продолжился и перекинулся на текущую ситуацию.

– Вот скажите, вы же умный человек, – горячась, спрашивал таксист, – почему у нас в стране по ящику говорили, дескать, бензин в цене вырос, потому что нефть

дорожала, евро скакал, а бакс падал? Сейчас все с точностью до наоборот, а бензин дешевле не становится. Скинули рупь и все...

- Хороший вопрос, - хмыкнул я. - Самому интересно. Знаю только одно, если кому-то надо цену поднять, повод всегда найдется: луна не в той фазе находится или у тещи настроение плохое. А так экономика - дело темное. Взять, к примеру, последние события - двадцать миллионов американских негров набрали кредитов и не могут отдать, вроде бы какое нам дело до ихних бомжей, а гляди-ка, весь мир трясет, как припадочного.

- А как думаете, что надо сделать, чтобы кризис поскорее закончился? - с надеждой спросил водитель.

Мы с Мишкой Каплиным не раз и не два терли между собой эту тему, так что вопрос меня врасплох не застал:

- Поддерживать не банки, а реальных производителей. Все деньги, что вложат в банковскую сферу, либо заморозят на счетах, либо выведут за границу. До наших фабрик и заводов в итоге ничего не дойдет. Какие отрасли в настоящее время испытывают спад? Строительство, металлургия, автомобилестроение. Почему бы вместо того, чтобы опять надувать мыльный пузырь, не заняться системой госзаказов? Стране хорошие дороги нужны?

- А то, - усмехнулся таксист.

- Тогда зачем поить и кормить спекулянтов со всяких бирж? Делаем госзаказ миллиардов так на пятьдесят «зелени», включаем в него мосты, дороги и прочее. Еще на такую же сумму строим дома для бюджетников, вкладываем столько же в оборонку. Тогда начинает работать стройка, у нее возникают заказы - включается металлургия, машиностроители. Глядишь, и остальные отрасли подтянутся.

- Складно получается. Но ведь сами знаете - у нас вор на воре сидит и воров погоняет. С рубля половина на откаты уйдет.

- Это верно, - согласился я. - Сволочей возле кормушки у нас предостаточно. Сколько ни сажай, только прибавляется. А все почему? Потому что знают они - если адвокатам не удастся отмазать их от суда и следствия, то в лучшем случае

припаяют им приговор года на два-три условно, а уж если посадят, так выпустят в скором времени за примерное поведение, еще и камеру дадут со всеми удобствами – телевизором, холодильником, микроволновой плитой и баром. Безднаказанность – она только развращает. Пора, пожалуй, у нас снова смертную казнь вводить. Поймали тебя с ладошками, на которых спецкраской отпечатались слово «взятка», скрутили ручки и ножки и, помолясь, на расстрел утречком.

– Так ведь это... – запнулся шофер, – не боитесь, что снова тридцать седьмой год настанет?

– А чего я должен бояться? Нас этим тридцать седьмым годом как жупелом пугают, а собственно, что тогда было: одну обойму госчиновников пересадили и перестреляли, а другую на их место посадили. Только те товарищи, чьи задницы устроились в нагретых креслах, перед глазами имели наглядный пример – чего можно и чего ну никак не стоит делать, ни при каких обстоятельствах. Не удивлюсь, если именно по этой причине мы победу в Великой Отечественной зубами у немцев вырвали.

– А простые люди? Они что – не пострадали?

– Почему не пострадали? Еще как пострадали! Только все это происходило и задолго до тридцать седьмого года, да и после него тоже. Однако у нас почему-то размахивают именно этим злосчастливым годом, хотя, проведи такого рода зачистку нашего госаппарата сегодня, вся страна бы в едином порыве рукоплескала.

– Пожалуй, что верно... – Таксист надавил на тормоз. – С вас сто двадцать рублей.

Машина плавно остановилась. Надо же, не заметил, как приехали.

Офис Леха снимал знатный, в здании еще сталинской постройки. Эх, умели же тогда на совесть строить – с колоннами, арками, лепниной. На века делали, чтобы потомки с гордостью взирали, дедами, отцами гордились. Посмотришь на эдакую красоту и монументальность: душа радуется, на возвышенное тянет. Не то что хрущобы и современная панельно-кирпичная серость, заполонившая городские улицы после смерти друга всех детей и физкультурников.

Если архитектура отражает дух эпохи, какое впечатление останется от наших, сляпанных из сэндвич-панелей торговых центров, ржавеющих палаток и унылых квадратиков жилых кварталов? Не будет ли стыдно за нас нашим детям?

Я расплатился с шофером, поднялся по ступенькам крыльца, толкнул покрытую светло-коричневым лаком массивную деревянную дверь, похожую на те, что ставили на старых станциях питерского метрополитена, сделал шаг и...

Темнота, страшная боль, непонятное состояние, будто гигантский пылесос засасывает меня в прожорливое чрево. Замигали огни, как на взлетно-посадочной полосе. Много огней, таких ярких, что глаза не выдерживали света. Я пытался зажмуриться, но ничего не получалось. Обжигающий свет огней словно проник в черепную коробку, взрывая изнутри. Постепенно их размеры увеличились, они превратились в сплошной шар, похожий на лаву, извергающуюся из разбуженного вулкана.

- Ты в порядке? Что с тобой?

Кто-то громко и испуганно говорил, но это точно не я. Так. Попробуем разобраться, что приключилось. Солнечный удар? Голову напекло или недоброжелатель в подъезде попался? Ничто так не прочищает мозги, как бейсбольная бита. Не помню, где и когда прочитанная дурацкая шутка.

Я обнаружил, что лежу лицом вниз, на сырой земле, уткнувшись в прелые листья. Не понял... Что за бардак, почему в солидном здании валяется сгнивший мусор? Это я не про себя, про листья.

Гнать уборщиков, как их там нынче – менеджеров клининг-сервиса, метлой поганой. А может, я на улице?

В пользу последнего говорило пение птичек над головой и весь в потрескавшейся коре ствол дерева, не скажу какого – у меня по биологии четверки разве что по праздникам были. Дуб от березы отличу, ель от сосны тоже, а с остальной флорой путаюсь, причем сильно. Так, на чем остановился? Ага, на дереве, которое нахально торчит перед носом. Как говорил мой незабвенный преподаватель высшей математики, когда ему было лень «брать»

интегралы, ибо этот «увлекательный» процесс мог занять полпары: «В результате элементарных преобразований получаем...» После этих слов он смело писал на доске ответ.

Итак, в результате элементарных преобразований получается, что я врезался в дерево. Железная логика. Только откуда оно взялось?

– Дитрих, как ты? – зазудел голос над ухом.

Я что, не один здесь болезный, еще и Дитрих какой-то имеется? Выходит, кроме меня тут еще и иностранцы появились. Странно, Леха вроде дел с забугорьем не вел. Хватит задавать вопросы, пора получать ответы.

Сразу подняться на ноги не удалось, путь к человеку прямоходящему лежал через стандартные детские четвереньки. Кто-то подхватил за плечи, помог распрямиться.

Я увидел взволнованное лицо молодого парнишки, совсем еще сопляка. Он смотрел на меня если не с ужасом, так с испугом точно:

– Дитрих, я думал, ты умер.

– Насчет Дитриха не знаю, а я вроде живой, – сказал я и едва не умер на самом деле.

Мало того, что мы стояли в лесу, так еще на нас двоих были клоунские прикиды: толстая непонятная хламида коричневого цвета с манжетами навыпуск, кожаные штаны вроде рокерских, заправленные в один из предметов женского гардероба – высоченные сапоги-ботфорты со шпорами. Голову паренька украшала шляпа с перьями. Другая, очевидно, принадлежала мне. Она валялась неподалеку в ворохе листьев.

Если бы Леха меня увидел – даже не знаю, за кого принял бы. За педика или пациента славного заведения имени Кащенко.

Неподалеку стояла оседланная лошадь. Флегматично щипала травку, не обращая на нас ни малейшего внимания. Ну, хоть она, кажется, нормальная.

Ничего не понимаю. Предположим, я сплю, однако разве бывают сны такими детальными? Есть еще вариант – действительно крыша поехала.

Мне довелось жить неподалеку от психоневрологического интерната, в котором мама работала бухгалтером. Психи преспокойно бродили где заблагорассудится, бывали и у нас дома. Я тогда много чего насмотрелся. Один, по фамилии Камагин, изображал машину, держался руками за воображаемый руль, переключал передачи, крутил настройку «радиоприемника». Другой, какой-то казах с труднопроизносимой фамилией, перетаскивал тонны металлолома с места на место, мог за один присест выдуть три литра чая, сладчайшего до слипания... э... известной части организма.

Да нет, для сумасшедшего мои мысли чересчур рациональные. Хотя сбрасывать эту версию со счетов не буду. Попробую разобраться с помощью настойчивого молодого человека.

– Слушайте, юноша, скажите, кто вы и что мы тут, собственно, делаем?

– Дитрих, не узнаешь меня?

Клянусь зарплатой за месяц, парень едва не заплакал. Какие мы чувствительные!

– Во-первых, я не Дитрих, во-вторых, мы с вами впервые видимся, молодой человек.

– Что я скажу тете Эльзе! – Юноша всплеснул руками. – Неужели ты не помнишь меня, твоего кузена Карла?

Насколько помню, кузен – это двоюродный брат, и что знаю наверняка, никаких Карлов в нашем роду не водилось. Сергей, Владимиры, Анатолии имеются, спорить не стану. Хотя смутно припоминаю, как в детстве бабушка рассказывала семейное предание, больше похожее на сказку: мол, давние предки по ее линии когда-то переехали из Германии, постепенно обрусели, потеряли связь с бывшей родиной. Если это правда, выходит – в обе мировые войны одни мои родственники воевали с другими.

Нет, слишком невероятно. Произошло недоразумение, сейчас разберемся.

– Какого еще Карла?

– Барона... – начал он, но я ехидно прервал его:

– Мюнхгаузена, да?

– Да нет же, барона Карла фон Брауна, вашего кузена.

– Извини, парень, хочется считать себя бароном – считай на здоровье, только санитарам не рассказывай. Не знаком я ни с какими фон-баронами и знать их не хочу.

Парня это мое высказывание так огорошило, что он резко перешел на «вы»:

– Как же так, Дитрих?! Почему вы говорите такие страшные слова и отрешиваетесь от титула, принадлежащего вам по праву? Вы же сами барон! Барон Дитрих фон Гофен.

Вот что я называю словом «приехали».

Глава 3

Я сказал «приехали». Ха! Еще хуже: только что до меня дошло – мы с Карлом общаемся на чистом немецком языке. И в том, что я сразу не обратил внимания, нет ничего странного, для меня немецкий – как родной: я в инязе специализировался на «дойче», а потом в армии, будучи военным переводчиком, успел хорошо напрактиковаться, когда переводил генералам статьи из зарубежных журналов и сопровождал натовских чиновников, совершавших вояж по рассекреченным во времена Горбачева и Ельцина военным объектам. Дела тогда такие творились, скажу вам – мама не горюй, сдали наши все военные секреты, какие только можно.

Потом дошло и другое: речь Карла вроде и понятна, но, с другой стороны, полна непривычных оборотов, пахло от которых нафталином и прабабушкиным сундуком. Смысл многих высказываний можно разве что угадать. И фразы он строил своеобразно, в высоком «штиле», с пиететом.

– Ладно, уговорил, я барон Дитрих как его там. Только объясни, что со мной происходит и где мы, собственно, находимся?

– Проще ответить на второй вопрос, чем на первый. Думаю, мы неподалеку от Санкт-Петербурга, столицы варварской Московии.

– России, – машинально поправил я.

Как-никак за плечами нехилая практика общения на форумах с разного рода «оранжевыми». Риторика как раз в их духе. Не удивлюсь, если Карл еще что-нибудь про «кацапов» завернет. Впрочем, у меня со времен форумных баталий давно иммунитет к таким вещам образовался.

Но Карл оказался из другого теста.

– России, – легко согласился он. – Если офицер, которого мы повстречали в трактире, не обманул, до Петербурга часа два езды. Но не в нашем случае. У нас осталась одна лошадь на двоих, – пояснил юноша.

– Почему?

– Из-за твоего ослиного упрямства, дорогой кузен. Мы с твоей матушкой уговаривали в один голос не брать из конюшни Адлера, заменить любой другой лошадью. Но ты был непреклонен. В результате, когда до окончания путешествия осталось совсем немного, Адлер испугался выстрела и сбросил тебя из седла. Ты упал и ударился головой. Знаешь, мне показалось, что ты умер.

– С чего ты решил?

– Ты перестал дышать, я страшно испугался, но потом твое тело будто молнией поразило, оно забилося в конвульсиях. Ты очнулся, но я почему-то не узнаю тебя,

Дитрих. Ты очень странный. Я боюсь за твое душевное равновесие.

- Странный... Может, и так. Падение с лошади бесследно не проходит. Не переживай, до свадьбы заживет.

- Но ты ничего не помнишь...

- Я же сказал: это пройдет, - с нажимом сказал я.

Вот приставучий!

- Точно? - с надеждой спросил юноша.

- Даже в голову не бери, - заверил я.

- Если так считаешь, пришла пора узнать, кто стрелял и испугал Адлера.

- Охотники, наверное, - предположил я.

- Русская императрица запретила бить дичь на расстоянии тридцати верст вокруг Петербурга. С браконьерами поступают строго. Значит, это не охотники. Если отряхнешь грязь и поспешишь, успеем разобраться, в чем дело. Вдруг кому-то нужна помощь?

О времена, о нравы. Я успел привыкнуть, что при звуке выстрелов люди прячутся по щелям как тараканы. Более того, если вас зажмут в подворотне, ни в коем случае не кричите: «Грабят!», а то помощи ни в жизнь не дождетесь. Гарантированный способ получить подмогу - завопить что есть мочи: «Пожар!» А этот сопливый юнец готов прямо сейчас ринуться неизвестно куда сломя голову.

Не дожидаясь, Карл рванул, придерживая рукой чуть ли не волочащуюся по траве шпагу. Один раз зацепился за колючки и выбрался с большим трудом, не скупясь на ругательства. Немецкий язык в этом плане не столь колоритен, как русский, но соленых словечек в нем предостаточно, самое приличное, что произнес нежданно-негаданно свалившийся на голову родственничек, - «шайзе». Когда я опомнился, кузен был далеко впереди. Его спина скрылась в густых зарослях.

«Наломает дров, барон недоделанный, а расхлебывать мне придется», – решил я, бросаясь вдогонку.

Голова кружилась то ли от пьянящего и чистого воздуха, то ли потому, что не так давно, по словам Карла, кое-кому пришлось крепко приложиться о землю. Вооружен был я ничуть не лучше Карла – такая же шпага болталась на боку и мешала бежать, норовя оказаться между ногами. Да и дурацкие ботфорты цеплялись за корни деревьев. В жизни не носил столь неудобной обуви, вдобавок сапоги не различались на правую и левую ногу, даже дешевые китайские кроссовки, замаскированные под фирму, в сто раз лучше. Путь едва не закончился падением в непонятно кем вырытую яму. Чтоб тебя! Хорошо, успел притормозить перед самым краем.

Уф, вдох-выдох и снова в погоню.

Карла я все же догнал, схватил за плечо и заставил остановиться:

– Не спеши, сначала оценим обстановку. Попасть в переделку никогда не поздно, главное – выбраться без потерь.

«Братец» кивнул.

Жидкая рожица упиралась в узкую ленточку дороги. За редкими стволами деревьев виднелись трое мужчин, словно шагнувших с экрана историко-приключенческого фильма вроде «Анжелики» или «Гардемарины, вперед!». Треуголки, кафтаны серо-мышинного цвета с выглядывающим иссиня-черным камзолом, плащи без рукавов, узкие брюки, переходящие в полосатые гетры, башмаки с пряжками. На головах парики с белыми завиточками-буклями (на ум сразу пришел известный по книгам и фильмам ответ Суворова императору Павлу I), заканчивающиеся тонкой напудренной косой. Насколько помню, так одевались где-то в восемнадцатом веке. Мама родная, куда ж меня занесло!

Я не впал в ступор и не перестал соображать. Психология человека такова, что рефлектирует он только в минуты безделья. Если есть чем заняться, мозг отвлекается на более насущные проблемы. Армейские отцы-командиры давно взяли эту методику на вооружение, и кажущиеся дуростью приказы «тащить круглое и катать квадратное» имеют практическую основу. Я сконцентрировался

на происходящем, отложив размышления на потом.

Троица, за которой мы наблюдали, потрошила одежду и котомки четвертого – человека в зеленом, явно военном мундире. Жертва лежала, не проявляя признаков жизни. На ум пришли два варианта: убит или оглушен. На шее виднелась металлическая бляха, если не ошибаюсь, отличительный знак офицерского чина.

Неподалеку находилась мертвая лошадь, шея ее была вывернута под неестественным углом. Скорее всего, выстрел, испугавший моего коня, предназначался ей.

На обычных разбойников с большой дороги эти трое не походили. Во всяком случае, тот, что в треуголке с высоким красным плюмажем, точно. Он вывернул кошелек жертвы и не обратил внимания на высыпавшиеся монеты. Его подельники бросали жадные взгляды на деньги, но присвоить не решались. Я сразу сообразил, кто тут главный.

Он что-то приказал, один из помощников вытащил из сапога нож, занес высоко над собой и приготовился вонзить в беззащитное тело офицера.

«Добивают», – понял я.

Карл не выдержал первым. Он выскочил из кустов и с криком бросился на людей в сером:

– Остановитесь! Именем закона объявляю вас арестованными. Потрудитесь сложить оружие.

«Кретин!» – простонал я.

Ему удалось добиться только того, что негодяи резко изменили намерения. Они оставили раненого в покое и с оружием наголо пошли на кузена.

Карл беспомощно обернулся, я догадался, кого он рассчитывал увидеть прикрывающим спину, но что-то удерживало меня на месте.

Противный липкий страх влез в душу, нашептывая подлые, низенькие мыслишки. Кто он такой, чтобы рисковать из-за него жизнью? Мы знакомы всего пять минут. Если юнцу захотелось продырявить себе шкуру, пускай поступает как хочет – это его личное дело, не касающееся меня никоим образом.

Я отвернулся, прижался спиной к дереву, пытаюсь вдавиться в ствол как можно сильнее, закрыл глаза, мысленно сосчитал до десяти.

Зазвенели скрестившиеся шпаги, послышалась грубая брань, призывной голос Карла. Ну и что, мне нет до него дела. Пусть выкручивается.

Моего присутствия до сих пор не обнаружили. Замечательно. Могу развернуться и убежать. Никто не узнает. Пожалуй, недавно я так бы и поступил, но не сейчас. Что-то во мне проснулось. Честь, благородство... Я не знаю. Сложно описать словами. Некогда казавшийся сложным и многогранным мир вдруг стал простым и приобрел только два измерения: черное и белое.

Если сбегу – будет подло. Более того, жить как раньше уже не получится.

Если вмешаюсь, то... Да, могу погибнуть, стать калекой, но если есть крохотный, с инфузорию туфельку, шанс победить, я им воспользуюсь.

Схватка переместилась в мою сторону. Я хорошо видел сосредоточенные лица фехтовальщиков. Сталь ударялась о сталь, чувствовалось, что Карл устал и не может в полную силу отбивать натиск сразу трех противников.

Была не была! Я вывернул из земли бурый, покрытый грязью голыш весом не меньше килограмма, прицелился и со всего размаха запустил в голову ближнего негодяя. Камень угодил в висок. Послушался хруст проломленного черепа.

Человек в сером пошатнулся и упал, из раны потекла густая кровь.

Три пары глаз уставились на меня. Карл смотрел с надеждой и верой, его противники – с замешательством.

– Что за!.. Откуда ты взялся? – воскликнул главарь.

- От верблюда, - сказал я, доставая шпагу. - Должен заметить, господа, что трое на одного - нехорошо. Пришлось уравнивать шансы.

- Ты знаешь русский? - изумился кузен, промокая лоб большим, как скатерть, платком. - А мне ничего не говорил... - добавил он с досадой.

- Потом расскажу, - отмахнулся я. - Господа, повторяю предложение кузена. Сложите оружие, и мы сохраним вам жизнь.

- Я не привык отступать, - усмехнулся главарь. - Лешка, возьми того, что моложе, а я укорочу язык этому наглецу.

- Господа, шпага острая, могу и порезать, - заметил я.

- Это я сейчас проверю, - с кривой усмешкой на губах произнес главарь и сделал резкий выпад.

Он действовал молниеносно. Будь у меня меньше опыта, острие проткнуло бы грудь в области сердца, но я успел парировать удар. Лезвие ушло в сторону. Не ожидавший такой прыти главарь едва не нарвался на ответный укол, но в последний момент ему удалось уклониться. Шпага лишь царапнула рукав камзола. В месте пореза выступила кровь.

- Я предупреждал, - отсалютовал по всем правилам фехтовального искусства, сказал я.

На турнирах мне встречались разные противники, хотя между спортивным поединком и настоящей схваткой - существенная разница. В первом случае зарабатываешь очки, во втором - жизнь.

- Всего лишь царапина, - прорычал соперник.

Он быстро вышел из себя, горячность - плохое качество для фехтовальщика.

Кроме того, он значительно уступал в росте. Помните в фильмах про мушкетеров - они всегда стремились занять господствующее положение: вскакивали на столы, стулья, ступеньки лестницы. Высокий рост дает значительное

преимущество. Но и от мастерства многое зависит.

Однако в любой схватке немалую роль играет его величество случай. Тренер не раз рассказывал поучительные истории, как опытейшие фехтовальщики прошлых веков проигрывали зеленым новичкам, которым просто повезло. Профессионализм профессионализмом, но расслабляться в поединке пускай со слабым противником не надо. А главаря нельзя было назвать слабаком. Шпагой он владел неплохо.

Укол, еще один. На меня сыпался настоящий ураган выпадов и ударов. Враг менял тактику, переходя из глухой защиты в резкое нападение. Казалось, он не знает усталости. Если бы не мой рост, я бы давно получил несколько дырок и обессилел. Манера фехтования главаря отличалась от того, чему меня учили, так же как ката в каратэ – от реального боя.

Противно ощущать себя дилетантом, но надо смотреть правде в глаза. Я все еще жив только благодаря везению, но долго длиться оно не может. Выиграть могу лишь в том случае, если воспользуюсь немногими преимуществами, а их действительно немного, если быть точнее – всего два: противник склонен к импульсивным необдуманным поступкам, и он намного ниже. Если его как следует раззадорить, а потом нанести удар, который трудно отбить, победа будет за мной.

Сказать, конечно, легко, но вот сделать... Кажется, знаю. Я рубанул главаря по макушке, он пригнулся, но шпага зацепила роскошный плюмаж, только перья по сторонам полетели. Шляпа от удара свалилась в лужу. Я поддел треуголку ногой и послал вперед, как футбольный мяч. Бинго! Сам Марадона гордился бы таким попаданием. Мокрый, грязный головной убор угодил владельцу в лицо.

– А, чтоб тебя!

На физиономии противника были видны только разъяренные глаза. Остальное покрылось густым слоем грязи. Он походил на женщину в косметической маске – зрелище не для слабонервных.

Я разразился коротким издевательским смешком.

Взбешенный главарь бросился на меня, забыв обо всем, в том числе об осторожности. Я проткнул его, словно вертелом, до самой рукоятки. Неприятный хруст разрываемой плоти, кровь, много крови... Шпага прошла сквозь ребра как по маслу. Странно, даже не ожидал. Он захрипел и осел на подкосившиеся колени. Я выдернул лезвие и толкнул его ногой. В тот момент это не казалось мне кощунством. Он поступил бы точно так же.

С громким чавканьем тело опустилось в лужу, поднимая ворох брызг. Все происходило как в замедленной киносъемке. Главарь лежал на спине и смотрел в небо остекленевшими глазами.

Я не знал, насколько неприятно убивать человека, особенно впервые. Меня едва не стошнило.

– Превосходно, Дитрих, – ободряюще воскликнул Карл. Он с легкостью теснил своего противника. – Эти русские никогда не умели биться на шпагах по-настоящему. Ты преподавал ему хороший урок.

– Я убил его, – мрачно произнес я.

– Он заслужил.

Я не стал спорить.

– Сдавайтесь, сударь, – довольно произнес кузен, выбив шпагу из рук соперника. – Обещаю пощадить вас и не убивать.

Оружие с жалобным звяканьем упало. Кончик шпаги Карла уперся в горло проигравшего.

Похоже, у нас появится пленный. Ума не приложу, что с ним делать. Думаю, на нашем месте он вряд ли был бы столь милосерден.

Глаза проигравшего сверкнули отчаянием, быстро сменившимся злостью.

– Пошел ты... – произнес он и, подавшись вперед, проткнул горло шпагой.

В кузена ударила струя крови. Он едва не вскрикнул от неожиданности.

- Хорошо день начинается, - вздохнул я, вкладывая оружие в ножны.

- Ты забыл протереть лезвие, - возмущенно сказал Карл. - Оно заржавеет.

- Плевать, не до этого. Проверим, жив ли тот, кого они обыскивали.

Я опустился на колени рядом с человеком в зеленом мундире. Под париком обнаружили растрепанные светлые волосы. На макушке бугрилась большая свежая шишка. Выходит, мой товарищ по несчастью.

Я приложил ухо к груди. Сердце билось неторопливо и размеренно. Беглый осмотр показал, что его просто оглушили. Других ран, кроме набитой шишки, не нашлось.

Нашатыря нет, можно похлопать по щекам или поднять ноги. Вроде так поступают с женщинами, находящимися в обмороке. Но этот очнулся самостоятельно.

Он схватил меня за грудки, с воистину медвежьей силой подтянул и сердито прорычал:

- Ты собрался меня грабить, да?

Он говорил на ломаном русском. Выходит, иностранец... вроде меня нынешнего.

- И в мыслях не было. Я просто хотел вам помочь.

Мой голос убедил его, что я говорю правду, и он отпустил:

- А где неkotья, что стрелял в моего коня?

- Не стоит волноваться. Дела их неважные.

- Выходит, вы спасли мне жизнь. Я отшень вам плагодарен.

– Что вы. Я исполнил свой долг порядочного человека.

Слова сами слетели с кончика языка. Странно, обычно я выражаюсь в иной манере. Неужели заразился от Карла?

– О, ви не просто порядочный человек, вы – человек чести. Назовите свое имя, отважный герой.

– Игорь... – я прикусил язык, – то есть Дитрих. Дитрих фон... Гофен, – уф, кажется, не ошибся.

– Спасибо, отважный рыцарь. Даю слово творянина и офицера: я отплачу вам той же монетой...

Бабах! Оглушительно гроыхнуло из кустов, моментально окутавшихся облаком дыма. Послышался тонкий противный свист и шлепок. Тело офицера выгнулось. Я увидел страшно удивленные глаза.

– О майн гот, не хочу умирать! – Он дернулся и повис у меня на руке.

Мне не впервой видеть смерть. Я перестал бояться покойников с того момента, как закрыл глаза умершему отцу, подвязал ему платком челюсть, накрыл тело простыней и стал обзванивать родственников. Просто каждый, кто прикоснулся к этому таинству, уже никогда не станет прежним. Меняется действительность или твое отношение к ней. Начинаешь ценить каждый вздох, взгляд, каждую крупицу общения с близкими. Проблемы, ранее казавшиеся глобальными, уходят на второй план. Суета сует. Вот она – истина в последней инстанции.

Офицер, бывший недавно живым, чувствующим человеком, вцепился в меня, будто я последняя ниточка, связывавшая его с этим миром. Ниточка оборвалась. Душа улетела туда, откуда нет возврата, где, как хочется верить, намного лучше, чем здесь.

Я видел его впервые, успел перекинуться несколькими фразами и все, но почему по щекам потекли слезы? И наряду с возникшей горестью внутри разгоралось пламя, оно требовало выхода. Где та сволочь, что предательски выпалила из кустов?

Я оказался на ногах и бросился туда, где еще не успел развеяться дым, услышал за спиной конское ржание, громкие возгласы.

– Куда прешь, убивец?

Я обернулся и последнее, что успел увидеть, – летевший в лицо деревянный приклад мушкета.

Глава 4

– Куда их, ваш высокородь? В полицию?

– Нет. Дело сурьезное. Пожалуй, вези в Петропавловскую крепость, сдашь чиновнику Тайной канцелярии, а если не найдешь, то коменданту. Скажи, что застали на месте убийства ажно с четырьмя трупами. Хоть и иноземцы, но кто ж их, аспидов, знает. Пущай в Тайной канцелярии разбираются.

– А с телами как? Вы их опознали, ваш высокородь?

– Трое в сером – капрал Преображенского полка Звонарский с лакеями. Запомнил?

– Так точно, господин капитан.

– Мертвый измайловец – поручик Месснер из вестфальцев. Поговаривают, конфидент самого Миниха.

– Эвона как. Это его мы, выходит, встречали?

– Его.

– Не уберегли, значит, голубя. Опасливо мне, ваш высокородь.

– Чего ты спужался, Борецкий?

– А ну как и меня заодно с этими двумя немчиками в колодничий каземат оформят? Попасть туда легко, а вот выйти трудно.

– Не бойсь, Борецкий. Ты государственный человек, лейб-гвардии сержант. Худа не сделал. Подполковник за тебя всегда слово молвит. Выручим, ежели что. А чтоб не сбегли, возьми с собой четырех солдат. Штыки примкните и глаз не спускайте. Утекут – шкуру с тебя спущу почище Ушакова Андрея Ивановича, – имя и отчество офицер произнес с придыханием, чуть ли не озираясь по сторонам.

– Знамо дело, ваш высокородь, спустите.

– То-то! – удовлетворенно подкрутил лихой ус офицер. – Скажешь, я завтра прибуду с подробным рапортом. Ступай, Борецкий.

Сержант Борецкий – немолодой коренастый мужчина с багровым лицом пьяницы – вместе с двумя солдатами устроился на крестьянской телеге. Нас с Карлом связали и положили на вторую телегу, приставив двух конвоиров. Мертвецов, укрытых рогожей, загрузили на третью. Возницы, доставленные из ближайшей деревни вместе с реквизированными подводами, выглядели забитыми и не роптали. Они мяли в руках шапки и постоянно крестились, выслушивая приказания офицера.

Взявший меня и Карла под арест гвардейский капитан не стал слушать объяснений. И дело отнюдь не в пресловутом языковом барьере. Немецким он как раз владел сносно. Ничего удивительного – полиглотов среди дворян хватало, заставляла сама жизнь. А что делать, если командир полка может оказаться шотландцем, из трех штаб-офицеров: один голландец, другой швед, третий саксонец, которые на русском двух слов связать не могут? Хочешь не хочешь, а нужно между собой договариваться, вот и договаривались на немецком. Это уже потом перешли на язык Дидро и Вольтера. Мы для капитана были убийцами, застигнутыми на месте преступления. Разбираться с нами он считал ниже своего достоинства. Дело пахло керосином.

Виски ломило, на лбу вздувалась шишка, в глазах двоилось, нос опух. На счастье, я успел в последний момент отпрянуть, приклад прошел по

касательной, только благодаря случаю «рубильник» остался цел. Но приложили меня крепко. Провалился без памяти час, а то и больше.

С Карлом обращались гуманней. Ему вообще почему-то везло гораздо сильнее.

– Вот немчура проклятая. Лезет сюда, словно им медом намазано, – сплюнул конвоир. – Хорошо хоть эти по всему бедовать будут.

– Не говори, Матвеич. Видать, им у себя совсем несладко стало, вот и бегут к нам, будто тараканы какие. Жадные: что рупь, что копейку – под себя норвят утащить. А нашему ваньке деревенскому достается: корми-пои оглоедов, до юшки из носу надрывайся, а они на шею сядут и тебе же батогов всыпят за добро твое. Сволочи!

– Немцы, я тебе скажу, разные бывают. Требовательные, вечно недовольные, по сторонам рыскающие, но к аккуратству приучены и остальных приохотить хотят. Этого от них не убавишь. Слово свое завсегда в ответе держат. Ежели скажут что, сделают. А то, что злые как собаки, так иной русский трех немчур стоит. Был у нас поручиком Иванов – ты его не застал, молод еще, – из дворян тверских, по фамилии русак-русаком, а сколько солдатского брату через его пострадало. Вор настоящий был. Полуроту голодом заморил. Вечно у него на солдатский котел денег нету, на мундирное платье – шиш да кукиш. Оголодали, истрепались. Из остатних рот над нами поперву смеялись, а потом жалеть зачали. И жаловаться некому – начальству до тебя никакой охоты вникать нету. Мы волком выли. А уж как нас не любил! За любую мелочь бил боем, особливо как выпьет. Чуть что – сразу в зубы. Рожа, говорит, твоя не нравится. Как его от нас перевели в другую часть, так мы всем ротным миром свечи в церкву поставили. Не знаю, кто сейчас от этого Ироду муку принимает.

Нам поневоле пришлось стать слушателями их беседы. Карл по большей части молчал, изредка тяжело вздыхая. Не таким, очевидно, он представлял себе въезд в Петербург.

– Что с нами будет? – шепнул я.

Конвоировавший солдат покосился, но ничего не сказал. Видимо, указаний препятствовать разговорам не давали.

– Скорее всего, отвезут в русскую Бастилию. Я слышал, в Петербурге на острове стоит крепость, в казематах ее содержатся узники. Люди гниют заживо от великой сырости и ссылку в вечно холодную Сибирь принимают за избавление.

– Петропавловская крепость, что ли? – догадался я.

– Наверное, – пожал плечами Карл.

Я бывал в ней всего раз: после демобилизации – поезд уходил поздно, у меня была уйма времени, которое посвятил прогулкам по одному из самых красивых городов мира, посетил Артиллерийский музей и Петропавловскую крепость, они располагаются напротив. Помню бастионы, смотровые площадки, спуск к пляжу – зимой, говорят, там любят плавать «моржи», памятник Петру I, пушку, стреляющую в двенадцать часов дня. Экскурсоводы показывали казематы, открывали дверцы камеры, впускали внутрь, предоставляя возможность ощутить себя в шкуре арестанта, рассказывали о знаменитых узниках – царском сыне Алексее, княжне Тараканове, декабристах. Впечатление давящего пространства больших – шагов по десять в диагонали – камер запомнилось надолго.

Крепость располагается на Заячьем острове, размером метров семьсот в длину и без малого полкилометра в ширину. Экскурсовод, полная женщина в клетчатой юбке, насмешила, сообщив, что шведы называли остров Веселым. Кстати, им представилась возможность оценить иронию судьбы по достоинству, ибо одними из первых строителей стали захваченные в плен солдаты Карла XII. Их кости легли в фундамент будущей Северной Пальмиры наряду с костями простых русских и украинских мужиков.

Туда нас и везли.

Мне стало интересно, и я присел, чтобы лучше видеть.

Петропавловка, в которую нас доставили, не очень походила на ту, из экскурсии. Ее не успели достроить, работа кипела одновременно в нескольких направлениях, многих, ставших привычными сооружений не было даже в проекте.

Я увидел Кронверк – земляные валы в виде короны, защищавшие крепость от нападения с суши, позднее их снесли, построив на этом месте здание, в котором хранятся реликвии русской армии.

Мы проехали открытые ворота, украшенные наклепанным двуглавым орлом. Телеги прогромыхали по мосту через выкопанный ров и остановились возле одноэтажного серого особняка. Должно быть, нас заметили в окно, и из подъезда с нависающим козырьком вышли двое. Первый, самый представительный, – в штатском темно-синем камзоле с воротником-жабо, смуглый, суетливый в движениях. Второй – военный: статный, высокий, с холеным скучным лицом. Гадать нечего: гражданский – чиновник Тайной канцелярии, с ним – дежурный офицер. Мелкие злые глазки штатского впились в меня, сверля, будто дрелью. Я понял: ничего хорошего нам не светит.

Сержант Борецкий подошел и стал докладывать, от волнения сбиваясь и глотая звуки.

– Престань мямлить, размазня, – оборвал штатский.

– Дык, я это... – еще сильнее испугался Борецкий.

Офицер скривился. Он со скучающим видом теребил рукоятку шпаги и едва не зевал. Похоже, ему давно все приелось.

– Где твой командир? – рассерженно спросил чиновник.

– Обещался завтра прибыть. С самранешнего утра туточки будет, не сомневайтесь. Седни ему надо с докладом у начальства быть. Так горевал, что самлично прийти не может.

Борецкий, как мог, отмазывал капитана.

– Кто эти двое?

– Немцы какие-то. Мы случайно увидели, как они на тракте покрошили капрала Преображенского полка Звонарского и двух лакеев его.

– А что ж не вмешались?

– Дык, не успели мы. Поначалу думали: господа баловством занимаются, шпажному бою репетируются. Ан вон оно как – до смертоубийства дело дошло.

– Понятно, вот она дурь русская во всей красе, – зло бросил чиновник. – Видеть видели, помешать не сумели. А скорее – лениво было. Бумаги при них имелись?

– А как же. Я все привез – тут и пашпорта, и письма рекомендательные. Все в целости, ничего не утеряно.

– Дай взгляну. – Чиновник протянул руку за документами.

– Что здесь? – Офицер небрежно указал пальчиком на третью телегу.

– Мертвецы, – потупился сержант.

– Пройдемте, посмотрим.

Офицер отбросил рогожу и склонился над трупами:

– Действительно, Звонарский. Сколько нами вместе было выпито, сколько раз он меня из неприятностей выручал. Помнится, он отпуск двухгодичный брал учебы ради. Говорил же ему, что от учения только одно худо будет. Не послушал.

Он выпрямился и произнес, чеканя каждое слово:

– Я за Звонарского этих немцев под землю урою, если Андрей Иванович милость свою к ним проявит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/dashko_dmitriy/gvardeec

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)